Ярослав Кичало

Дело сыщика Корсакова о кронштадтском резонансе

Ярослав Кичало

Дело сыщика Корсакова о кронштадтском резонансе

«Автор»
2026

Кичало Я. Я.

Дело сыщика Корсакова о кронштадтском резонансе / Я. Я. Кичало — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, январь 1892 года. Балтийские морозы сковали Финский , руководивший испытаниями беспроволочной связи. Уникальные стеклянные когереры Попова похищены, но на заснеженном льду вокруг форта на полверсты кругом нет ни единого следа человека или лошади.Коллежский советник Арсений Корсаков берётся за расследование дела, в котором военные инженеры видят мистику. Обнаружив на ледяном насте едва заметные царапины от стальных коньков гоночного буера, сыщик понимает, что против Империи развёрнут высокотехнологичный шпионаж. Нити заговора ведут от доменных печей Балтийского завода к закрытым залам элитарного Английского собрания на Дворцовой набережной.В смертельной ночной погоне среди штормовых торосов Корсакову предстоит доказать, что законы физики и скорость звука распространяются быстрее самого яростного балтийского ветра.

© Кичало Я. Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Глава 1 Ледяной плен форта «Император Александр I» 6
Глава 2 Язык торосов 8
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Ярослав Кичало
Дело сыщика Корсакова о кронштадтском резонансе

Предисловие

Январские морозы тысяча восемьсот девяносто второго года превратили Финский залив в бесконечную, безмолвную пустыню, скованную ледяным панцирем. Но надёжная изоляция Кронштадтской крепости оказалась обманчивой. Там, где гранитные стены форта «Император Александр I» веками сдерживали напор волн, разыгралась трагедия, поставившая в тупик Морское ведомство и заставившая военных инженеров говорить о мистике.

Представленный на суд читателя исторический детектив — это хроника противостояния человеческого разума и невидимой шпионской сети, развернувшейся на стыке передовой науки и холодного расчёта. В запертой изнутри смотровой вышке форта оборвалась жизнь штабс-капитана Аносова, а вместе с ней исчезли уникальные стеклянные когереры Александра Попова — будущее беспроволочной связи Российской империи. И на полверсты вокруг форта на заснеженном льду нет ни единого следа человека или лошади.

Новоиспеченному коллежскому советнику Арсению Корсакову предстоит принять этот вызов. Единственной зацепкой в белом безмолвии станут едва заметные царапины от стальных коньков гоночного буера.

Нити этого дела свяжут воедино полярные миры империи: от ревущих, пышущих жаром доменных печей Балтийского завода до изысканной, обманчивой тишины закрытых залов Английского собрания на Дворцовой набережной. Корсакову придётся вести следствие не в душных кабинетах, а среди ночных торосов, где скорость звука и точность дедукции станут его единственным щитом.

Отрегулируйте пламя масляной лампы. За окном завывает ледяной шквал, а у далёкого форта призрачный силуэт буера уже поднимает паруса, чтобы раствориться во мгле Финского залива.

Слушайте гул балтийского льда. Расследование начинается.

Глава 1 Ледяной плен форта «Император Александр I»

Январский Санкт-Петербург 1892 года замерзал на сажень вглубь. Лютые, безжалостные балтийские морозы сковали Финский залив, превратив бескрайнее водное пространство в мёртвую, иссечённую торосами белую пустыню. Набережные Невы утопали в тяжёлых сугробах, а тусклые газовые рожки едва пробивали плотный сизый туман, пахнущий угольной гарью от тысяч печей.

Коллежский советник Арсений Павлович Корсаков сидел в своём новом, просторном кабинете Канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника на Большой Морской, 2, мерно раскуривая старую трубку профессора Воздвиженского. На его плечах покоился новенький форменный сюртук с золотыми погонами VI класса, но чиновничий блеск Табели о рангах мало согревал сыщика . Три месяца, прошедшие со дня гибели наставника, не принесли Арсению покоя. Разум сыщика требовал сложной, математически точной работы.

Резкий, требовательный стук в дубовую дверь заставил Корсакова выпрямиться. На пороге появился пристав Лютиков, перешедший вслед за шефом в столичное управление. На его суконной шинели застыла ледяная корка, а усы покрылись инеем.

В руках пристав сжимал запечатанный пакет из плотной казённой бумаги с сургучной печатью Штаба Кронштадтской крепости. К рапорту военных прилагалось личное, спешно подписанное предписание Санкт-Петербургского градоначальника.

— Арсений Павлович, чрезвычайное происшествие государственного значения! — выдохнул Лютиков, шумно топая подбитыми сапогами. — Курьер из Кронштадтского подворья загнал лошадь, пробиваясь к нам сквозь снежные заносы. Его превосходительство градоначальник приказал вам немедленно принять это дело к производству.

Корсаков мгновенно сломал сургуч и развернул бумаги. Предписание градоначальника было кратким: «Коллежскому советнику Корсакову. Экстренно командироваться на Кронштадтский рейд. Всякое содействие со стороны военных комендантов обеспечено». А далее шёл сам текст рапорта крепостного штаба, составленный в выражениях крайней тревоги:

«На изолированном оборонительном форте "Император Александр I" обнаружен мёртвым ведущий конструктор Морского технического комитета штабс-капитан Аносов. Офицер руководил секретными испытаниями аппарата беспроволочных сигналов Минного офицерского класса. Помещение смотровой вышки, где найдено тело, заперто изнутри на массивный железный засов. На заснеженном льду вокруг форта на полверсты кругом нет ни единого следа человека, копыт или полозьев. Ценнейшие катушки-когереры конструкции физика Попова бесследно исчезли из запертого кабинета. Военные чины говорят о "призраке метели».

— Призрак метели... — Корсаков холодно усмехнулся, туша трубку о край бронзовой пепельницы. — Военные инженеры готовы поверить в спиритизм, Лютиков, лишь бы не признавать, что их бдительность обошли. Штабс-капитан Аносов охранял секретные когереры, за которыми охотится половина европейских разведок. Беспроволочный телеграф — это господство над морем. Тот, кто забрал эти уникальные трубки, шёл не по воздуху. У него были вполне земные ноги.

— Но как же следы, Ваше высокоблагородие? — Лютиков растерянно поскрёб затылок. — Комендант форта клянётся: ночью свирепствовал буран, наст застыл как камень. Если бы кто-то шёл от берега, на снегу остались бы хоть какие-то выбоины. А там — девственная белизна, словно убийца растворился в воздухе.

— Снег и лёд — лучшие свидетели, пристав. Нужно лишь уметь читать их язык. Катер Балтийского завода готов?

— Так точно, Арсений Павлович. Паровой ледокольный буксир «Пилот» ждёт у причала Васильевского острова. Машины разведены, пар поднят. Но пробиваться сквозь торосы в такой мороз — чистое безумие.

— Прекрасно. Одевайтесь теплее, Лютиков. Мы отправляемся в гранитную цитадель. Посмотрим, какие песни поёт этот «призрак метели» над ледяной бездной залива.

Спустя полчаса маленький, приземистый ледокольный катер, тяжело отдуваясь чёрным дымом, уже резал носом скованный льдом фарватер, со страшным грохотом кроша ледяные поля на пути к Кронштадтской цитадели. Впереди, посреди бескрайнего белого плена, зловещим тёмным монолитом вырастали гранитные стены форта «Император Александр I».

Глава 2 Язык торосов

Маленький ледокол «Пилот» с глухим, костистым скрежетом пробивал себе путь сквозь плотные ледяные поля Финского залива. Гранитный монолит форта «Император Александр I» угрюмо вырастал из морозного тумана. Огромные круглые стены, сложенные из тёмно-серого гранита, были покрыты коркой инея и напоминали зловещую, заброшенную тюрьму посреди ледяной пустыни.

Узкий причал форта напрочь обледенел. Когда Корсаков и Лютиков сошли на берег, их встретил комендант — пожилой поручик минной роты с обветренным до красноты лицом, укутанный в огромный тулуп поверх мундира. Он дрожал то ли от лютого ветра, то ли от пережитого ужаса.

— Сюда, Ваше высокоблагородие, — пряча нос в суконный воротник, глухо произнёс поручик, указывая на высокую круглую башню в южной части форта. — Штабс-капитан Аносов заперся на смотровой вышке ровно в девять часов вечера. Он проводил ночные замеры сигналов, посылаемых Кронштадтской береговой станцией Минного офицерского класса**.** А в два часа ночи вахтенный унтер-офицер заметил, что керосиновый фонарь на вышке погас. Мы бросились туда... Дверь дубовая, изнутри на засов кованый закрыта. Пришлось топорами рубить.

Они поднялись по крутой винтовой лестнице. На самом верху, в тесной, остеклённой со всех сторон смотровой будке, царил леденящий холод. Одна из рам была разбита, и свирепый ветер швырял внутрь пригоршни колючего снега. На полу, прямо у массивного рабочего стола, сидел штабс-капитан Аносов. Его голова была неестественно запрокинута назад, а застывшие глаза стеклянно смотрели в потолок.

Лютиков испуганно перекрестился:

— Батюшки... Замёрз до смерти, не иначе. Глядите, Арсений Павлович, ни единой раны на теле, ни крови. Засов закрыт, окна высоко... Точно, «призрак метели» душу вынул.

Корсаков не ответил. Он опустился на колени перед телом конструктора, сбросил плотные кожаные перчатки и аккуратно коснулся шеи и лица покойного. Лицо Аносова не было бледным, как у замёрзших людей — кожа сохранила странный, багрово-синюшный оттенок. Сыщик достал из кармана хирургическую лупу, которую всегда носил с собой после дела Воздвиженского, и бережно приподнял голову штабс-капитана. Из ушных раковин офицера запеклись тонкие, едва заметные ниточки тёмной, замёрзшей крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.